

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ ИНСТИТУТА
ЭТНОГРАФИИ В 1971 ГОДУ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

оазиса. Эти данные свидетельствуют о том, что различные этнические группы практически полностью были ассимилированы узбеками в течение последних десятилетий. Это подтверждается и данными переписи 1959 года, в которых отмечается, что в Каракульском районе живут только узбеки¹⁾.

А.Н.Жилина,
А.И.Кузнецов.

К ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛИЩА КАРАКУЛЬСКОГО ОАЗИСА БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1971 г. в составе Бухарско-Хивинского отряда Среднеазиатской экспедиции под руководством к.и.н. Н.Г.Борозны работала группа по изучению поселений и жилища для Атласа народов Средней Азии и Казахстана. В группу входили к.и.н. А.Н.Жилина, к.и.н. А.И.Кузнецов и С.Иванов (фотограф). А.И.Кузнецов занимался также вопросами этнического состава населения изучаемых областей.

Одним из наиболее интересных районов Бухарской области, где в 1971 г. собирался полевой материал, является Каракульский оазис, возникший в низовьях р.Зеравшан по берегам озера Кара-куль, которое существовало здесь еще во второй половине XIX века. Археологические наблюдения, проведенные В.А.Шишкиным и его отрядом, показали, что во всем этом относительно маленьком районе нет типичных для Бухарского оазиса памятников в виде тепе - развалин древних поселений доарабского времени, что свидетельствует об относительно недавнем освоении этого района¹⁾. Подтверждением этому служит и топонимика Каракульского оазиса, которая указывает на сплошной, по-видимому, тюркоязычный массив его обитателей.

В этническом отношении Каракульский оазис является чрезвычайно сложным, что в определенной степени было обусловлено его расположением на окраинах Бухарского ханства на границах с территорией, заселенной туркменами. В результате основное население Каракульского оазиса в конце XIX - начале XX вв. состояло из туркмен (салыры, баяты, чандыры, хыдыр-эли и т.д.), узбеков с родоплеменным делением (саят, дурмен, калмак и т.д.), не помнивших родоплеменного деления.

1) См. В.А.Шишкин. Варахша., М., 1963, стр.25-29.

1) Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР. М., 1962, стр.138.

ния (таты), ирани, арабов и узбеков.

После национального размежевания Каракульский оазис вошел в состав Узбекской ССР. Начался интенсивный процесс этнического и культурного сближения этнических групп туркмен, узбеков, арабов, вошедших в состав узбекской социалистической нации. В настоящее время, судя по переписи населения 1970 г. и собранным полевым материалам, на территории Каракульского оазиса проживают преимущественно узбеки. Однако это не исключает и сейчас существования определенных различий в духовной и материальной культуре между названными выше группами населения, что дает возможность выявить их прошлую этническую принадлежность и наглядно проследить процессы консолидации, происходящие в наши дни.

Основным типом расселения сельских жителей на территории Каракульского оазиса в XIX - начале XX вв. было мелкокишлачное или так называемое "хуторское" расселение. Отдельные усадьбы или группы усадеб располагались вдоль арыка на небольшом расстоянии друг от друга. Названия арыков и селений часто совпадали. Каждое селение стремилось иметь свои собственный арык, выведенный из магистрального канала. Эти арыки тянулись иногда на много километров параллельно друг другу, занимая большие пространства земли, удобной для земледелия. Селения, расположенные по течению магистрального канала, были обычно лучше обеспечены водой, чем низовья. По материалам В.А.Шишкина, Каракульский оазис в Бухарском ханстве был довольно плохо обеспечен водой, а в некоторые годы вообще не получал воды. Размеры таких селений были незначительны - от 10-15 до 40 хозяйств. Обычно здесь была одна, редко две-три мечети.

В районах расселения туркмен сакар, салыр, баят селения делились на семейно-родственные группы - ова (оба), куда входило до 10-12 хозяйств. Здесь бытовал также термин "элат", как правило, употреблявшийся в смысле селения, кишлака.

В кишлаках с узбекским населением (саят, дурмен, калмак и т.д.) для обозначения семейно-родственных групп существовал термин топак, а в окрестностях Каракуля (сельсо-

вет Зиерат), где по свидетельству информаторов проживали узбеки без родоплеменного деления (таты), применялся термин равот.

Другим типом расселения Каракульского оазиса в XIX веке были компактные поселки, окруженные оборонительными стенами, где было сосредоточено в основном торгово-ремесленное население. В первую очередь здесь необходимо назвать Каракуль, являвшийся в XIX веке административным центром Каракульского тумана.

По историческим материалам, Каракуль возник в XII-XIII вв., возможно, на смену разрушенного монголами Байкенда (Пайкенда). В качестве крупного населенного пункта Каракуль упоминается Бабуром (XV век), а во времена завоевания Бухары узбеками Шейбани-хана Каракуль был уже довольно большим городом, который оказал упорное сопротивление, прежде чем подчинился новому правителю¹⁾. Хорошо укрепленные стены, окружавшие Каракуль, позволяли ему выдерживать осады туркмен и войск хивинского хана в XIV, XV и XVI вв.²⁾.

В конце XIX - начале XX вв. Каракуль представлял собой значительный населенный пункт; по сведениям информаторов, здесь насчитывалось до 300-350 хозяйств. Он был окружен глинобитной стеной, сложенной из пахсы, высота которой достигала 6 метров, а ширина - 4 метров. Стены были сооружены на фундаменте из земли высотой до 2 метров. Вокруг части стен с внешней стороны проходил ров, соединявшийся с Зеравшаном. В стенах было 2 ворот: Су-дарвоза (выходили на восток) и Кургон-дарвоза (на юг). В плане крепость была округлой формы.

Внутри вся территория Каракуля двумя взаимно пересекающимися улицами делилась на 4 махалля: Ирани-махалля, Махсумлар-махалля, Косыблар-махалля и Кукчилар-махалля.

- 1) См. Бабур. Бабур-наме., Ташкент, 1958, стр. 33, 60, 64; История Узбекской ССР, т. I, кн. I, стр. 383.
- 2) См. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 2, М.-Л., 1938, стр. 357, 422.

Еще одна небольшая улица Кук-куча соединяла ворота крепости. Базар располагался за стенами Каракуля у ворот Кургондарвоза. В конце XIX века, по сведениям информаторов, здесь было 4 мечети и одна медреса — Таш-мечеть, построенная во времена Абдуллы-хана.

Основным населением Каракуля в этот период были чиновники, ремесленники, торговцы. В этническом отношении более половины населения составляли иранцы, затем шли узбеки, индийцы, арабы, афганцы. Всех жителей Каракуля окрестное сельское население, особенно туркмены называли татами¹⁾. По сведениям Вамбери, в XIX веке Каракуль был известен за пределами Гухарского ханства своими "...значительными магазинами персидских невольников"²⁾.

Помимо деления на кварталы — махалля все жители Каракуля разделялись на два эля — в один входило население Ирани-махалля и Косыблар-махалля, в другой — Махсумлар-махалля и Кукчилар-Махалля. Это деление обычно осуществлялось во время традиционных празднеств.

Интересной особенностью, встреченной нами впервые, является противопоставление друг другу более крупных территориальных единиц, охватывающих кишлаки всего Каракульского оазиса, которые во время народных гуляний выступали друг против друга в традиционном соперничестве. Основным принципом этого деления служил, очевидно, географический признак, т.к. кишлаки, входившие в одну группу, не были однородны по национальному составу. В первую группу объединялись селения Каракуль, Саят, Джигачи, Янги-Базар, Казан, Караун; в другую — Алат, Чандыр, Джума-Базар, Денау, Ишакчи. Если на

- 1) Термином тат в Каракульском оазисе туркмены называли все земледельческое и ремесленное население, относя к этой группе как потомков аборигенного оседлого населения, так и пришедшие группы земледельцев и ремесленников.
- 2) Вамбери. история Бухары. т. I-2, СПб., 1873, стр. XXXI-XXXII.

праздники приезжали гости с севера — из Бухары, Ташкента, то они присоединялись к первой группе, а приезжие с юга — из Чарджоу, Ашхабада — примыкали ко второй группе.

Кроме Каракуля укрепленными селениями, судя по сообщениям информаторов, были Караун, Караходжа, Мирзакала, куда пряталось окрестное сельское население во время войн и набегов туркмен-номудов. Открытое неукрепленное поселение до середины XIX века сохранялось в Ассия (Эски-Ассия), где проживало исключительно ремесленное население туркмен хыдыр-эли¹⁾.

На границах оазиса со степью были сооружены и существовали еще в XIX веке оборонительные башни — динги, с которых передавались сигналы в случае вторжения неприятеля. Здесь же на время скрывались жители окрестных мелких кишлаков. Динги представляли собой оашни высотой в 8-10 м, построенные из пахсы; диаметр основания башни доходил до 10 м, а верха — до 5 м. Внутри, по всей высоте башни, были сделаны площадки, соединяемые лестницами; на уровне площадок в стенах были пробиты бойницы.

Традиционное жилище Каракульского оазиса в XIX — начале XX вв. было неоднородным, что связано с этническим составом населения и различиями в хозяйственной деятельности разных групп туркмен, узбеков, арабов и т.д.

В районах, основным населением которых еще в начале XX века были туркмены, можно выделить несколько типов жилищ. Первым тип — укрепленные усадьбы — ховлы, принадлежавшие разиточным семьям. Внешне такие усадьбы представляли собой небольшие крепости, прямоугольные в плане. По краям ворот и углам стен сооружались контрфорсы мучаль, мурча. Высота стен, возводимых из пахсы, достигала 7 м. Двор усадьбы глинобитным дувалом делился на две половины: внешнюю — ташкари-ховли и внутреннюю — ичкари-ховли.

- 1) Более подробно об Эски-Ассия см. в статье Г.П. Васильевой Работы Туркменского этнографического отряда в 1954-1956 гг. "Материалы Хорезмской экспедиции", М., 1959, вып. I, стр. 175.

На внешней, мужской половине, по периметру стен располагались различные хозяйственные постройки, предназначенные для скота, хранения кормов и продуктов, а также помещение "михманхана", где собирались мужчины. С архитектурной точки зрения представляет интерес устройство помещения для продуктов амбар, амбархана, которое возводилось на столбах, высотой до 1 м над уровнем земли. Наверх вела приставная лестница.

На внутренней, женской половине усадьбы, находились жилые комнаты и очаги для приготовления пищи. Тандыры, по свидетельству информаторов, у туркмен лет 50 тому назад устанавливались вертикально.

С внешней стороны стены усадеб украшались орнаментом; над воротами прикрепляли рога барана, которые служили в качестве оберега.

В усадьбах такой планировки жили обычно большие семьи, состоящие из нескольких супружеских пар с детьми. Общее число членов семьи нередко достигало 40-50 человек. Основным направлением хозяйства таких семей являлось земледелие, о чем свидетельствует стационарный тип построек. По сведениям информаторов, усадьбы-ховлы этого типа в начале XX в. имелись у туркмен баятов, чандыр, хидыр-эли, а также у арабов в кишлаках Човли и в окрестностях Мирзакалы.

Несколько другой тип укрепленной усадьбы-ховлы отмечен нами в селении Чаурчи (с/с. Ахунбабаева), где проживали туркмены-салыры. Внешне усадьбы выглядели так же, но внутренняя планировка была иной: по периметру двора располагались многочисленные хозяйственные постройки и навесы для скота, а в центре ставились юрты, количество которых зависело от структуры семьи - каждая малая семья занимала отдельную юрту. Очевидно, в хозяйстве этих семей в начале XX века еще большое значение имело скотоводство.

Второй тип жилища - небольшие глинобитные дома там простой планировки, состоящей из комнаты и прихожей, реже из двух комнат и прихожей между ними. Освещение комнат осуществлялось через маленькие окошечки, забранные решеткой из дерева. Рядом с жилым домом располагались хозяйственные постройки, причем территория усадьбы не всегда огоражива-

лась дувалом. Такие жилища в XIX - начале XX вв. были присущи небогатому и бедному населению.

Третий тип жилища - юрты кара-ой, которые имелись в прошлом наряду с жилищем стационарного типа у всех туркменских групп Каракульского оазиса. Однако в начале XX века, по сведениям информаторов, юрты существовали только в богатых семьях и покупали их преимущественно у казахов. Бедное население, не имевшее юрт, на летних пастбищах сооружало легкие постройки - мартхана. Делали их очень просто: вырыли в земле яму глубиной до полметра, а затем сверху с северной стороны полукругом ставили ветровой заслон, сплетенный из веток и камыша в рост человека. Такие сооружения (март-хона) отмечены нами и в кишлаках, где в прошлом жили узбеки с родоплеменным делением (например, у узбеков-саят в с/с. Толкан Саят).

Среди узбекского населения, которое в конце XIX - начале XX вв. по направлению своего хозяйства являлось оседлым земледельческим населением, отмечены следующие типы жилища. Во-первых, среди богатых семей окрестных кишлаков Каракуля (татов) были распространены замкнутые усадьбы, обнесенные стенами, внутри которых по периметру двора располагались жилые и хозяйственные помещения. Двор делился на две половины - мужскую ташкари и женскую ичкари. На внешнем дворе находились многочисленные хозяйственные постройки (причем кладовая амбархана, так же как у туркмен, строилась на столбах) и помещение для приема гостей мужчин михманхана. На женской половине располагались жилые помещения и кухня тандырхана, ошхана. Кухня представляла собой высокую постройку (выше жилого дома) с маленькими окошечками туйнук, которые делались под самой крышей. Здесь находились очаги для приготовления пищи и тандыр для выпечки лепешек, который в отличие от туркменского был наклонной формы.

Планировка жилых помещений была простой: со двора дверь вела в прихожую пойга-мадон, которая соединялась с жилой комнатой уй; сзади комнаты находилось обычно еще одно небольшое помещение пешка-мадон. Количество жилых

комнат зависело от структуры семьи. К дому обычно пристраивался открытый айван. В зимнее время для обогрева служил сандал.

Строительство жилых и некоторых хозяйственных помещений в таких усадьбах осуществлялось из однорядного, реже двухрядного каркаса, для заполнения которого шел сырцовый кирпич или куски глины кесек.

Усадьбы небогатого населения были значительно проще, деление на две половины почти не соблюдалось — жилые и хозяйственные постройки располагались на одном дворе, а помещение михтанхана, которое часто строили одно на две-три родственных семьи, выносили за пределы усадеб.

Бедное население узбекских кишлаков жило в небольших домах иного типа, планировка которых состояла из трех основных помещений: жилой комнаты уй, прихожей мадон и кладовой амбархана, которая сооружалась двухэтажной — наверху хранились продукты, а внизу корм для скота. В прихожей были сделаны камин — мури, где готовили пищу, водопоглощающий колодец — ташнау, здесь же находилась необходимая кухонная утварь. тандыры наклонной формы стояли в таких усадьбах во дворе.

И наконец, в замкнутых семьях у узбеков, а также у арабов и туркмен в прошлом для отдыха в летнее время сооружали жилища еще одного типа — легкие палатки — чадыр, имевшие широкое распространение и в других районах Бухарского ханства. Устройство чадыр было несложным: ставился столб с четырьмя ~~веревками~~ веревками, которые натягивались на колья; сверху все покрывалось плотной темной тканью (как говорят информаторы — типа современного брезента), а внутри натягивали светлую или пеструю ткань (шои, адрас). Ткань привязывалась к веревкам сверху и внизу. На пол расстилали кошмы, ковры, паласы. В палатке могло поместиться 10—15 человек. В холодное время для обогрева служил мангал с углями.

Строительство домов стационарного типа повсеместно осуществлялось при помощи хошада (обычай взаимопомощи); в окрестностях Каракуля хошар чаще назывался дой. Большие хошары, в которых принимало участие все население кишлака,

устраивались два раза: для приготовления глины и для сооружения кровли. В остальные дни приходило по 6—10 человек. Для работающих хозяева три раза в день готовили горячую пищу. Наиболее ответственным моментом строительства являлось устройство крыши, поэтому перед началом работ с магической целью резали барана и его кровью обрызгивали стропила. После завершения строительства дома хозяева устраивали большой той — худой, на который приглашались все жители селения.

От сглаза на стенах домов вешали черепа баранов и сплетенные из семян травы иссырык треугольники (высотой 50—60 см), которые здесь называются хазарысван; к ним прикрепляются тумары с веточками джиды внутри.

За годы советской власти произошли огромные изменения в жизни населения Каракульского оазиса. Процесс этнической консолидации отдельных туркменских, узбекских, арабских групп населения в узбекскую социалистическую нацию нашел свое отражение и в материальной культуре. Еще в довоенный период исчезли большие туркменские усадьбы — ховлы, юрты кара-ой, палатки чадыр, темные тесные жилища бедняков. После войны отмечается повсеместное строительство домов новой планировки, сохраняющей основные черты традиционного жилища узбекского оседлого населения. Характерными чертами его являются сооружение стен домов преимущественно из однорядного или двухрядного каркаса, устройство помещений мадон, ниш в жилых комнатах, строительство отдельных кухонь тандырхана с очагами и тандырами наклонной формы.

В последние годы, в связи с развернувшимся повсеместным строительством новых компактных поселков, началось сооружение жилых домов, отвечающих требованиям современного колхозного крестьянства. Планировка их в основных чертах сходна по всем районам Каракульского оазиса. Такие дома строятся на фундаменте из бетона или обожженного кирпича, стены возводятся из сырцового кирпича, реже — из однорядного или двухрядного каркаса, заполняемого сырцовым кирпичом, крыши делаются двускатными и покрываются шифером. Внутренняя планировка домов состоит из двух-трех комнат и прихожей; к дому пристраивается открытая или застекленная терраса. Во дворе

и сейчас обязательно устраивается кухня тандырхана традиционного типа с очагами и тандыром. Характерно, что жилые дома, которые возводятся в настоящее время в колхозе "Москва" межколхозными строительными организациями по типовым проектам, сохраняют некоторые положительные традиционные черты старого узбекского жилища.

Г.Н.Симоков

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ПОЕЗДКИ В КИРГИЗИЮ

После длительного перерыва сектор Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР возобновил полевые исследования в Киргизии. В августе-сентябре этого года автор данной статьи в составе Дунганского отряда Среднеазиатской экспедиции АН СССР (начальник отряда А.М.Решетов) побывал в северной Киргизии, имея главной целью сбор полевого материала по общественному строю киргизов, в частности — по семейно-родственным группам.

В качестве основного района исследования был избран Атбашинский район Нарынской области, который в силу исторических и географических причин в большей степени сохранил многие черты традиционной культуры киргизов. Кроме того работа велась в Кочкорском, Джумгалском районах этой же области, а также в Чуйской долине (Калининский район).

Первым, кто, опираясь на свои полевые наблюдения, обратил внимание исследователей на существование у киргизов Средней Азии семейно-родственных групп, был С.М.Абрамзон. Он же, как известно, сформулировал основные теоретические положения, относящиеся к этой проблеме¹⁾.

В последующие годы в полевых условиях материал по семейно-родственным группам собирал киргизский ученый А.Джумагулов, который выборочно опубликовал их в связи с изучением семьи и брака у киргизов Чуйской долины²⁾. Касался

1) С.М.Абрамзон. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. КСИЭ, в.28, 1958, стр.28-34; Он же, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии. тмЭ, т.XIV, 1951, стр.152-156.

2) А.Джумагулов. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960.

Панама

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ

1974

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

МОСКВА 1975

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНСТИТУТА
ЭТНОГРАФИИ

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

такова народная традиция. Так же нам объясняли и существующий кое-где обычай давать в подарок односельчанам невесты в день свадьбы живого барана: теперь приезжают не на лошадях, а на машине, не устраивают, как раньше, игру «сыйнақ-ылақ»; этот обычай существует тоже только по традиции. Увеселительное значение имеют и существующие поныне разного рода выкупы «кәде», получаемые от жениха и невесты.

Сохраняются у каракалпаков и два вида обряда «бет ашар», хотя содержание его в основном изменилось и имеет сейчас во многом воспитательное, поучительное значение. Маленькие куплеты отличаются остроумием и серьезным нравоучением. Под смехом и шуткой скрываются едкая сатира и юмор. «Бет ашар» ныне не только шутка, а, можно сказать, устный дружеский шарж: в куплетах хвалят хороших людей, резко критикуют туеядцев, бюрократов и т. д.

Практически исчез мусульманский обряд венчания — «неке». Ныне молодежь предпочитает регистрировать свой брак в загсе. Ушли в прошлое такие обычаи, как: левират, сорорат; забыт обычай «қаранғы қонақ», известный в прошлом и у многих других народов под термином «гостеприимный гетеризм» — предоставление женщин своим гостям.

Каракалпакская молодежь сейчас даже не представляет, как можно заключить брак не по своей воле, тогда как в прошломговор происходил в основном лишь между родителями юноши и девушки. Конечно, и сейчас родители при заключении брака в какой-то степени влияют на своих детей, высказывают свое мнение относительно выбора, сделанного сыном или дочерью, дают им советы, но брак в конечном счете заключается по желанию юноши и девушки.

В последнее время среди каракалпаков участились межнациональные браки. Особенно часты случаи, когда мужчины-каракалпаки женятся на представительницах других национальностей. Прочно вошли в быт горожан комсомольские свадьбы, в корне отличающиеся от традиционных тем, что главные организаторы и руководители их — молодежь, причем не обязательно родственники, а друзья по работе, учебе и т. д.

В настоящее время, как уже отмечалось, идет процесс сокращения обрядности свадьбы и ее некоторые прежде обязательные элементы опускаются. Так, например, теперь свадьба часто происходит в течение одного дня («той» в доме невесты и непосредственно за ним — в доме жениха), тогда как раньше она продолжалась 4—5 дней. Упростилась также традиционная каракалпакская «тамаша». На многих свадьбах вместо «бақсы» приглашают артистов.

Следует, однако, отметить, что еще сохраняются пережитки кое-каких старых, консервативных обычаев — например, не пол-

ностью изжит обычай калыма. Еще встречаются родители, которые стараются во что бы то ни стало получить от семьи жениха калым. До сих пор имеются семьи, в которых женщинам запрещается называть по имени своего мужа и его родственников, и даже своих детей невестка не называет по имени, пока живы родители мужа. В ряде семей женщина не садится со всеми за еду, особенно, когда в доме гости.

Подводя итоги, можно сказать, что каракалпакская традиционная свадьба коренным образом изменяется и по форме, и по содержанию, отдельные пережитки архаичных обрядов семейного быта не могут помешать развитию и становлению новой свадебной обрядности, соответствующей советскому образу жизни.

А. Н. ЖИЛИНА

*

УЗБЕКИ ДЖАМБУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КАЗАХСТАНА

В 1973 г. Ташкенский отряд Среднеазиатской экспедиции работал в двух основных направлениях: первое — обследование узбекских групп населения на территории Джамбульской области Казахской ССР и второе — продолжение сбора материалов для историко-этнографического атласа по темам «Хозяйство», «Духовная культура».

Обследование узбекского населения Джамбульской области было продолжением полевых работ, начатых в 1970 г. на территории Южного Казахстана¹. Современная Джамбульская область непосредственно граничит с Чимкентской областью (юг Казахстана) и включает в себя районы древнейшего расселения оседлого земледельческого населения. По этой территории пролегал «Великий шелковый путь», связывавший южные и центральные районы Средней Азии с восточным Туркестаном и Китаем. На всем протяжении этого пути цепочкой располагались многочисленные города и селения, известные с глубокой древности (I—II вв. н. э.) своей развитой городской жизнью, ремеслами, земледелием.

В течение многих лет, начиная с конца XIX в., эти места привлекали внимание историков, востоковедов, археологов, так как

¹ В 1970 г. этнографические исследования проводились в Туркестанском и Сайрамском районах, а в 1972 г. — в Чулаккурганском районе Чимкентской области.

проблема развития оседлых поселений и городов на территории Средней Азии и Казахстана является одной из актуальнейших в древней и средневековой истории. В последние годы появился целый ряд работ советских археологов, занимающихся этой проблемой на территории Южного Казахстана и прилегающих районов². В этих исследованиях, составляющих итог многолетних работ, нашли освещение многие вопросы экономической и культурной жизни городов и селений юга Казахстана и Таласской долины за большой отрезок времени от V—VII до XV—XVI вв. н. э. Наименее изученным в настоящее время является период, более близкий нам, — XVIII—XIX вв. К этому времени значительно меняется карта района — исчезают старые названия городов, даже сами города, появляются новые пункты, названия, перемещаются торговые пути. В данном случае этнографическое обследование территории, уже изученной с археологической точки зрения, представляет большой интерес и может пролить свет на многие неизвестные вопросы исторического развития данных областей.

Материалы переписей 1897 г. и 1920 г. показывают, что на территории современной Джамбульской области, а также в Таласской и Чуйской долинах в пределах современной Киргизии проживали значительные группы узбекского населения, причем они были расселены во всех крупных городах и торговых селениях, находившихся на прежнем «шелковом пути». Так, в г. Аулие-Ата (современный Джамбул) в 1897 г. насчитывалось 11 722 человека; из них — казахи составляли 589 человек, узбеки и сарты — 8846 человек, остальные — европейское население (русские, украинцы, немцы и т. д.)³.

По данным 1920 г. в Аулие-Ата проживало узбеков — 7051 человек, в Мерке — 2769 человек, в Таласе — 64 человека, в Токмаке — около 3000 человек⁴.

Что же представляло собой это узбекское население, почему оно оказалось в районах, заселенных казахами и киргизами, чем оно занималось в XIX—начале XX в., какова его материальная и духовная культура? Вот те основные вопросы, которыми мы занимались во время экспедиции 1973 г.

По историческим данным и сведениям информаторов можно заключить, что приход в Семиречье узбекского населения относится

² А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950; К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, и др.

³ А. И. Добросмыслов. Города Сырдарьинской области. Ташкент, 1912, стр. 167.

⁴ Материалы Всероссийских переписей 1920 г., вып. III. Поселенные итоги Сырдарьинской области, табл. 6. Ташкент, 1923.

к недавнему времени — началу XIX в. — и связан с завоевательными походами кокандских ханов (1801—1829 гг.). Для охраны своих пограничных владений, а также для поддержания порядка на основных торговых путях, связывавших Восточный Туркестан с Ташкентом и Ферганой, кокандскими властями были возведены небольшие крепости Аулие-Ата, Мерке, Пишпек, Токмак, в которых размещались гарнизоны и военные чиновники. К началу XIX в. эти когда-то плодородные долины находились в полном запустении. Расцвет оседлой культуры в Таласской и Чуйской долинах, характерный для XI—XII вв. н. э., после монгольского нашествия сменился упадком. Город Тараз (крупнейший город средневековья) вплоть до присоединения Казахстана к России находился в запустении, было забыто и его древнее название. Из столицы он превратился сначала в поселение Янги-Талас, а затем был известен как местность «Янги», которая к концу XVI в. вошла в состав казахского ханства. В начале XIX в. на развалинах старого города кокандскими властями была возведена крепость Аулие-Ата, где находилось несколько зданий — казармы для гарнизона, конюшни и дом наместника⁵.

Вслед за войсками в новые плодородные места двинулись узбекские переселенцы — вначале это были торговцы, владельцы караванов, хозяева караван-сараев и чайхан; позже постепенно сюда стали переселяться земледельцы и ремесленники.

По сведениям информаторов, в Аулие-Ата до прихода русских (1864—1865 гг.) было всего 50—60 хозяйств узбеков. Собственно весь город состоял из небольшой крепости, почти квадратной в плане, и двух кварталов — махалля Ишан-кази и Наманган-кучи, примыкавших к крепости с южной стороны. Рядом с воротами находился базар. Первыми жителями города были выходцы из городов Ферганской долины — Намангана, Коканда, Маргелана. Из других мест переселяться сюда стали позже.

С восточной стороны крепости, метрах в ста от нее протекала река Талас. Однако воду для орошения брали из небольшой речки Кара-су, из которой был выведен основной арык Котарма, питавший водой поля и земельные участки жителей и подававший воду в крепость. Бани и мечети до прихода русских в городе не было, на поклонение ходили к двум мазарам, расположенным в окрестностях, — Аулие-Ата и Тек-Турмез. Во время нападений казахов все жители прятались в крепость, где было все необходимое на случай осады.

После присоединения края к России город стал быстро расти за счет новых переселенцев — узбеков, уйгур, русских, украинцев, перешедших к оседлости казахов. Крепость за ненадобностью при-

⁵ См.: Т. Н. Сенигова. Указ. соч., стр. 216; А. И. Добросмыслов. Указ. соч., стр. 161.

шла в упадок и была разрушена, на ее месте возник главный базар. Город стал расти преимущественно к западу от крепости в сторону мазара Аулие-Ата. По сведениям информаторов, в конце XIX—начале XX в. в Узбекской, вернее «мусульманской» части города, насчитывалось уже 10 кварталов — махалля Ак-сарай, Чайкурук, Абдукадир, Мусапир, Татар-махалля, Наманган-кучи, Ишан-кази, Узбек-махалля, Атабек, Абдурахман. В это время здесь было построено много мечетей и одно медресе. Вот основные мечети города — Абдурахман, Беш-тегирман, Эски-кунчи, Кара-бакир, Ахра-бай, Мулла-бувай, Хамракул, Татарская, Супибек, Абдукадир-бай, Салим-бай, Хасан-бай, Таджи-ишан, Кенджакул, Муллодил. При мечети Атабек находилось медресе. Большинство мечетей было построено богатыми жителями города и поэтому называлось по их именам.

В городе было много ремесленников — кузнецов, сапожников, гончаров, кожевников, улицы которых располагались рядом с базаром. Здесь жили также крупные и мелкие торговцы, владельцы караван-сарая и чайхан. Товары для продажи привозили в основном из Ферганской долины. Вообще базары в Аулие-Ата славились на всю округу — казахи и киргизы пригоняли сюда скот, который перекупщики перегоняли дальше в Ташкент и Фергану, привозили кошмы, ковры, седла. Здесь они покупали продукты земледелия и ремесел. Славился город своими фруктами — переселенцы-узбеки в короткий срок развели прекрасные сады, где выращивали виноград, персики, яблоки и т. д. Из сельскохозяйственных культур больше всего сеяли пшеницу, просо. Развито было бахчеводство.

Другим крупным центром узбекской оседлости в этих краях было селение Мерке, расположенное в 200 км к северо-востоку от Аулие-Аты. Мерке, как и Тараз, известно с глубокой древности: с V—VI вв. н. э. вплоть до монгольского нашествия оно упоминалось в числе крупных торговых пунктов в трудах виднейших средневековых географов и во всех арабских дорожниках. Наибольшего развития Мерке достигает, по-видимому, в XI в., в эпоху Караханидов. Сведений о Мерке в XVI—XVIII вв. не имеем.

В начале XIX в. на развалинах старого города кокандскими властями было возведено небольшое укрепление⁶.

С начала XIX в. рядом с крепостью начали селиться узбеки, в основном выходцы из Ферганской долины. До наших дней сохраняется предание о первом жителе этих мест, прозванном Мерке-ата. По национальности Мерке-ата был узбеком и пришел сюда из Пишпека. Он поселился рядом с горами, около ущелья, где было много воды и зелени. Поселка тогда не было, в степи ко-

чевали со своим скотом казахи. Мерке-ата занялся земледелием, посадил деревья (тополя), развел сад. Он решил, что если деревья приживутся и будут расти, тогда в эти места можно приводить людей. Постепенно вслед за ним стали переселяться и другие узбекские семьи, однако селиться они стали не около ущелья, а рядом с крепостью, стоявшей на торговом пути — кара-жол. После смерти Мерке-ата похоронили около ущелья, а сравнительно недавно его прах перенесли на кладбище в поселок. Мазар Мерке-ата пользуется и сейчас большой популярностью среди местных жителей узбеков и казахов.

В начале XX в. в Мерке по сведениям информаторов насчитывалось уже более 500 дворов мусульман (узбеки, уйгуры, дунгане) и около 400 дворов русских переселенцев. Узбекская часть поселка начиналась от небольшой речки Улубой-сай и располагалась по обе стороны проезжей дороги. В сторону гор от основной дороги шли кварталы-махалля — Чалаказак-коше (здесь жили чалаказак — население, образовавшееся от браков узбеков и казахов); Казы-коше (квартал привилегированного сословия), в нем было две крупных мечети: Казы-мечеть и Сарай-мечеть. Затем шли три улицы, заселенные в основном выходцами из Ташкента — Ташкент-коше, образовавшиеся в начале XX в. Мечеть в этом квартале была сооружена богатым ташкентцем и носила его имя — Байдаулет-мечеть.

С другой стороны дороги кара-жол располагались махалля: Мазар-коше (на ее территории находилось кладбище и три основных мечети — Холпа-мечеть, Мазар-мечеть, Назир-ходжа-мечеть) и Тустлик-коше, где жили таджики, выходцы из Чуста. В махалля было две мечети — Катта мечеть и Кара-су-мечеть. Здесь был торговый центр Мерке. На прилегающих улочках располагались различные ремесленные мастерские и торговые лавки. На двух площадях шла торговля разнообразными товарами: на одной — мануфактурой, одеждой, мылом, обувью; другая площадь состояла исключительно из мастерских кузнецов и кожевников. Сюда приезжали в основном казахи для того, чтобы подковать лошадей, купить седла, уздечки. В центре площади было отведено специальное место, где оставляли лошадей и верблюдов. В соседней улочке находилась специальная чайхана — такая-чайхана, где курили опий и анашу.

Вдоль всей центральной улицы, проходившей по селению, шли торговые лавки с галантерейными товарами, располагались караван-сарай и чайханы (всего их было около 50). Базар находился на территории разрушенной крепости: на одной площади продавали продукты, зерно, на другой — скот, который раз в неделю пригоняли казахи.

По национальному составу селение Мерке было очень пестрым: до прихода русских здесь жили узбеки, немного уйгур и

⁶ А. П. Печорский. Мерке в древности. «Знамя коммунизма», № 95, 7.VIII 1971 г.

дунган; казахи кочевали в окрестностях. В конце XIX в. в эти районы хлынули переселенцы из центральных районов России — русские, украинцы, немцы. Они расселялись в Мерке по соседству с узбекской частью. Казахи в 1928—1930 гг. стали переходить к занятию земледелием и постепенно селиться на окраинах поселка.

Теперь коротко остановимся на характеристике торговых и караванных путей, связывавших центральные районы Кокандского ханства с вновь завоеванными областями. Как уже упоминалось, по территории Южного Казахстана и современной Джамбульской области проходил «великий шелковый путь», имевший огромное экономическое и культурное значение для всей Средней Азии. Из Ташкента (Шаша) он шел через Исфиджаб (Сайрам), Манкес (Манкент), Шавгар, Кулан, Мерке, Баласагун (около современного Токмака), вдоль южного берега Иссык-куля и дальше в Восточный Туркестан и Китай. Был также караванный путь, связывавший Южный Казахстан с Хорезмом и Поволжьем. В XVIII—XIX в. по ряду причин эти пути потеряли свое значение⁷. Основные торговые и культурные контакты населения Аулие-Аты и Мерке шли по другому направлению — не через Сайрам и Ташкент, а через Таласскую долину и горные перевалы.

Наиболее известными, как нам сообщили информаторы, были следующие пути: в Ферганскую долину дорога из Мерке шла в Аулие-Ата, затем в Таласскую долину, через перевал Беш-таш (к югу от современного г. Таласа), в поселок Кетмень-тюбе и дальше в Наманган; другой перевал в этих же горах — Кара-бура связывал с Ферганой и Ташкентом (один путь шел через перевал Кара-бура, Чаткал, по территории современного Алабукинского района в Ферганскую долину; второй путь — через перевал Кара-бура, Чаткал, вдоль реки Чирчик в Ташкент). В целом путь из Аулие-Аты до Ташкента или Ферганы занимал вёрхом 3—4 дня, а через Сайрам, Ташкент в Ферганскую долину — на арбе 20 дней.

Из Таласской долины также шли дороги на север — в Мерке, Токмак, Пишпек через перевалы Конколь, Токмак, Чоныр, Коккия, Кара-кыштак, Кум-бель. Северные хребты гораздо ниже южных, и дороги здесь более безопасны.

В Таласской долине, на месте пересечения южных и северных дорог возник небольшой узбекский поселок, где было два караван-сарая, чайхана, несколько торговых лавок и дома чиновников по сбору податей среди киргизского населения. После присоединения края к России наряду с русскими переселенцами в эти места стали переезжать и узбеки. На месте современного г. Та-

ласа сначала возникло село Димитровка, где вместе с русскими жили и узбекские семьи, позже оно было переименовано в Акчий, а с 1944 г. — в г. Талас.

Основное население Таласа в настоящее время составляют киргизы, казахи, русские, немцы, узбеков почти нет. В 1930—1940 гг. почти все узбеки так же, как и значительное большинство их из Мерке и Аулие-аты, переселились снова в Узбекистан.

В области материальной культуры нами изучались народное жилище, планировка домов, строительные материалы, интерьер, усадьба местного узбекского населения.

Для обследованных районов в XIX—начале XX в. был характерен один тип жилища, сходный по конструктивным и планировочным принципам с традиционным жилищем Ферганской долины. Обстройка двора осуществлялась по периметру, жилая ячейка состояла из комнаты и коридора (дализа) или двух комнат и коридора между ними. В богатых семьях, перед комнатами устраивали айван. Кухня — ошхона — строилась отдельно и состояла как бы из двух помещений — одна половина строилась очень высокой (до 4 м), с глухими стенами. Под крышей в стенах были сделаны небольшие окошечки — туйнук, служившие для выхода дыма. В этой части кухни находились очаги для приготовления пицци и тандыр, поставленный на высокий постамент и прислоненный основанием к стене. Другая половина кухни была обычной высоты — 2 м 70 см — 2 м 80 см. На полках и в нишах хранилась кухонная утварь, стояла посуда, обычно здесь же сооружали небольшое возвышение — супа, на нем хозяйки готовили пищу.

Рядом с кухней находилась темная кладовая для хранения продуктов. Перед кухней во дворе устраивали тандыр такой же формы, что и в кухне, в нем летом пекли лепешки. Размеры жилых комнат стандартные (3×4 м; 3×5 м), рассчитанные на 7—9—11 балок перекрытия. Только в богатых домах иногда встречались большие квадратные комнаты размером 5×5 м; 6×6 м; 7×7 м, в центре которых стояла колонна, поддерживающая пересекающиеся балки потолка (хары).

В конце XIX—начале XX в. все дома строились уже с окнами, которые вначале закрывались ставнями — дарча, позже их стали делать застекленными. В комнатах, в торцовой стене устраивали большие ниши, где хранились постельные принадлежности и одежда. Для обогрева комнат в зимнее время служил сандал, реже сооружали очаг — мури, типа камина, на котором в холода готовили пищу. Других форм очагов информаторы не помнят.

Строительство жилых домов также осуществлялось по общепринятым нормам: фундамента не делали, цоколь сооружали из нескольких рядов обожженного кирпича или крупных деревянных

⁷ «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1956, стр. 62—63.

балок, стены строили из двухрядного каркаса, который заполнялся гувалю (формованными от руки кусками глины); позже, после прихода русских для этой цели стали употреблять сырцовый кирпич. Для каркаса применялось разное дерево — на нижние и верхние обвязки каркаса употребляли арчу, а на стойки шел тополь, реже — тал. В Мерке своего леса почти не было, дерево для строительства домов привозили из Аулие-Аты, поэтому оно было необыкновенно дорого.

Обычай «хошар» (привлечение широкого круга соседей для строительства дома) был мало распространен. Обычно приглашали двух мастеров-строителей (в Мерке славилась два мастера — уйгур и узбек из Ташкента) и самых близких родственников. Вообще традиции соседской общины в этих местах не были столь сильны, как в центральных районах Узбекистана, что объясняется, в частности, значительным проникновением в среду местного населения товарно-денежных отношений.

За весь период своего более, чем столетидесятилетнего проживания на территории Джамбульской области Казахской ССР узбеки самым тесным образом были связаны с центральными районами Узбекистана — Ферганой и Ташкентом, причем в места своего нового расселения принесли все достижения, присущие оседлому земледельческому населению Средней Азии начала XIX в. В определенной степени они возродили в этих областях культуру земледельческого хозяйства, пришедшую в полный упадок в XVI—XVIII вв. Положительна роль узбеков и в восстановлении торговых путей, которые в результате бесконечных междоусобиц казахских феодалов полностью потеряли свое прежнее экономическое значение. Торговые и культурные контакты между кочевниками-казахами и земледельцами-узбеками, безусловно, имели большое значение для развития края и были полезны для обеих групп населения.

Р. Р. РАХИМОВ

*

«ДОМА ДЛЯ ГОСТЕЙ» У ТАДЖИКОВ БАСЕЙНА ЗЕРАВШАНА

Как свидетельствует этнографическая литература, относящаяся к ягнобцам, вплоть до 40-х годов нашего столетия в среде этой одной из древнейших ираноязычных групп Средней Азии, обитавших до недавнего времени в верховьях Зеравшан-

ской долины, существовал обычай совместной трапезы, устраивавшейся мужчинами селений в *мехмонхона* (тадж. — дом для гостей). Обычай коллективной трапезы мужчин отмечен исследователями и в других районах Средней Азии.

Среди вопросов, которыми занимался автор этой статьи за время полевого сезона 1973 г.¹, было изучение этого интереснейшего в этнографическом отношении явления. Полученные сведения показывают, что обычай этот наблюдался и в повседневной жизни всех таджиков бассейна реки Зеравшан в пределах Таджикской ССР.

По нашим наблюдениям, функционировавшие еще в недалеком прошлом зеравшанские мужские «дома для гостей» могли быть как общественными — в этом случае они назывались «мехмонхонаи байни» (умуми), так и частными, называвшимися «мехмонхонаи хусуси» (шахси). Эти последние чаще назывались по именам их владельцев.

Общинные гостевые дома — мехмонхонаи байни — теперь не функционируют. В отдельных местах они пришли в ветхость, а в других, например в кишлаке Реват, сохранились лишь остатки зданий. Общинные гостевые дома, по рассказам населения, раньше имелись в каждом селении, причем в больших селениях, таких, как Ёри, Мазари-Шариф, Урметан и др., они имелись в каждом квартале. Такие гостевые дома были собственностью всего селения или сельского квартала, на территории которого они устроены. Строились они сообща, всем селением или жителями данного квартала. В строительных работах участвовала каждая семья, внося долю своего труда или необходимые материалы. Ремонтные работы также производились совместными усилиями односельчан. Любопытен в этой связи пример постройки одного из сохранившихся мужских домов в Урметане (Лянгар). Об этом доме, функционировавшем в прошлом, информаторы сообщили, что, по передававшимся им рассказам, он был построен из строительных материалов, оставшихся от сооружения мечети, — *масчид*, на основе совместного труда — *хашар*, в котором, объединившись в товарищества взаимопомощи, принимали участие жители сельского квартала — *гузар*.

Зеравшанская традиционная мехмонхона — это, как видно из ее названия, место, где оказывали гостеприимство путнику, лицу, постороннему для данного селения, если он по каким-либо делам остановился в селении. Кроме того, это место, где в зимнее время,

¹ Автор работал в составе Среднеазиатской этнографической экспедиции (ее руководитель — Б. Х. Кармышева) в Зеравшанской и Гиссарской долинах Таджикской ССР в связи с необходимостью сбора полевых материалов по традиционным способам перевозки, обмолота и хранения урожая, а также по сельскохозяйственным орудиям для Историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана.